

ПРЕДДВЕРЬЕ ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Преддверье въ Египеть.

Не бойся идти въ Египеть.
Библия.

Двигается ли человѣкъ или не движется, и если движется, то по прямой линіи, въ поступательномъ направленіи, или по кругамъ и спиралямъ?

Какъ мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ, не знаю. Посудите сами.

Былъ я ребенкомъ. Читалъ много книжекъ, и между прочимъ, конечно, читалъ романы Жюль-Верна. Если не ошибаюсь, это именно въ одномъ изъ романовъ Жюль-Верна описывается нѣкій странный человѣкъ, съ которымъ было приключеніе истинное, но весьма неправдоподобное: пожелавъ изучить Испанскій языкъ, онъ ошибкой изучилъ Португальскій. Есть, конечно, сходство между Португальскимъ языкомъ и Испанскимъ, но все же,—Испанскій языкъ куда рѣчистѣе. И Испанія, конечно, находится съ Португаліей рядомъ, но въ Пор-

тугаліи не такъ звучно пѣсни поются, и Андалузскихъ красавицъ тамъ нѣтъ, и не Португалецъ, а Испанецъ Кортесъ завоевалъ Мексику. Много вообще есть различій между Испаніей и Португаліей, и между Испанскимъ языкомъ и Португальскимъ.

Что сдѣлалъ съ своимъ сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ этотъ странный и достойный сожалѣнія человѣкъ, изучившій одинъ языкъ вмѣсто другого, право не помню. Забылъ за дальностью времени.

Но вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ. Ребенокъ сталъ юношей. Ему цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ, и онъ въ шестомъ классѣ гимназіи. Это я о себѣ. Узналъ я въ тѣ времена о существованіи знаменитаго заграницей Скандинавскаго писателя Генрика Ибсена. Что-то узналъ о немъ такое интересное, что непременно захотѣлъ прочесть его въ подлинникѣ. Сказано — сдѣлано. Скандинавія объединена была тогда подъ Шведскимъ владычествомъ. Въ Петербургѣ, какъ я узналъ въ оны дни, существуетъ Скандинавскій, именно Шведскій, книжный магазинъ. Эти, какъ казалось мнѣ, убѣдительныя обстоятельства, справедливо заставили меня написать въ данный магазинъ, чтобы мнѣ выслали Шведскій словарь, Шведскую грамматику и—для скорѣйшаго изученія языка — рядъ Шведскихъ переводовъ,

весьма мною любимыхъ, повѣстей Тургенева.

Быстро я изучилъ Шведскій языкъ. Выписалъ себѣ тогда сочиненія Ибсена въ подлинникѣ, и съ прискорбіемъ убѣдился, что Скандинавскій геній пишетъ по-Норвежски, и что Норвежскій языкъ—самъ по себѣ. Какъ будто и есть положительное сходство съ Шведскимъ языкомъ, но совсѣмъ-совсѣмъ другой это языкъ. И читать Ибсена въ подлинникѣ не могу. Бываетъ же такая изумительная непредусмотрительность въ способномъ къ языкознанію юношѣ, который все такъ точно предусматрѣлъ.

Двигается ли человѣкъ или не движется, и если движется, то впередъ или по кругу?

Что жъ было дѣлать? Вздохнувши, я выписалъ себѣ Норвежскій словарь, Норвежскую грамматику, нѣсколько Норвежскихъ переводовъ Тургенева, и, потерпѣвъ нѣкоторые ущербы въ гимназическихъ успѣхахъ, быстро овладѣлъ Норвежскимъ языкомъ и прочиталъ сочиненія Ибсена въ подлинникѣ.

Заблужденіе послужило мнѣ въ данномъ случаѣ на пользу. Не только Ибсена я прочелъ, но, ошибкой изучивъ Шведскій языкъ, прочелъ также, въ подлинникѣ, великаго Шведскаго писателя Стриндберга. И другихъ.

Прошло еще много-много лѣтъ. Захотѣлъ я поѣхать въ Египеть. Увидѣть настоящихъ

Египтянъ. Хотя бы и современныхъ. Памятники Египетскіе очень хотѣлъ увидать. Все узнать Египетское. Египетъ вѣдь Египетъ. Изъ Египта чуть не все вышло, чѣмъ дорожимъ мы.

Я сижу на палубѣ Нѣмецкаго корабля компаніи Ллойда. Гляжу на волны. Дышу морскою свѣжестью. Радуюсь, что уѣхалъ изъ Европы. Радуюсь, что совсѣмъ скоро пріѣду въ Александрію. А тамъ—Каиръ. Буду въ странѣ Пирамидъ. И дальше, дальше.

Не только на Море смотрю, но и разныя книги читаю. Все о Египтѣ. О древнихъ его религіяхъ. О безсмертныхъ легендахъ, въ которыхъ безсмертіе обѣщаютъ Озирисъ и Изида. О храмахъ. О изваяніяхъ. О солнечной, вѣчно-бездождной, Нильской долинѣ, бездождной, но цвѣтушей. Папирусъ и лотосъ. Много лотосовъ. Голубыхъ и бѣлыхъ и розовыхъ. Такъ все красиво. Такъ все возвышенно, тонко, воздушно.

Между книгъ, что съ собою взялъ, было нѣсколько также и путевыхъ описаній. Изъ любопытства, а также потому, что между языковъ я очень люблю Польскій, захватилъ я съ собою, между прочимъ, книгу „*Podróż na Wschód, przez Maugucyego Manna, Kraków, 1854.*” Старая Польская книга о путешествіи на Востокъ. Томъ первый—описаніе путешествія въ Египетъ. Читаю, и все мнѣ становится скучнѣй и скучнѣй.

Хорошо пишетъ этотъ Полякъ. Но все у него Арабы да Арабы. Вѣдь я же ѣду въ Египеть. Вовсе не въ Аравію. А онъ такъ обо всемъ говоритъ, словно въ Египтѣ ни дохнуть, ни двинуться, чтобъ не наткнуться на Араба. Все же книга очень интересная, читаю ее. Говорить, между прочимъ, Маннъ, что, когда приѣзжаешь въ Египеть, какъ бы ты ни хранилъ свои вещи, положивъ ихъ въ укромное мѣсто,—стой при нихъ или не стой,—внезапно появляется Арабъ, точно изъ Моря выскочилъ; хватаетъ твои вещи, кляни его, схватилъ, бѣги за нимъ.

Очень неудобное первое впечатлѣніе. Но, быть-можетъ, это было тогда, въ давности?

Еще говоритъ Маннъ, что неистово пристають Арабы, прося ни за что, ни про что бакшишъ (по Русски: на чаекъ съ Вашей милости). Все будто бы кричатъ: „Мусью, бакшишъ“. Идешь, говоритъ, гдѣ-нибудь, проходишь мимо ословъ, лошадей, верблюдовъ, и не взываешь ни къ одному изъ вожатыхъ этихъ животныхъ, но каждый вожатый къ тебѣ взываетъ, и говоритъ: Бакшишъ. Лѣзетъ на тебя Арабъ съ осломъ, не берешь осла—бакшишъ. Продаетъ что-нибудь торговецъ, не покупаешь—бакшишъ. Пляшетъ, не смотришь на него—бакшишъ. Встрѣтишь кого-нибудь, день добрый—бакшишъ. Да еще какъ. Руку вытя-

гиваетъ, за платье хватаетъ, заступаетъ дорогу, преслѣдуетъ,—пробный камень терпѣливости каждаго. Бакшишъ. Боже сохрани взяться за карманъ, хотя бы за носовымъ платкомъ. Ты погибъ. Бакшишъ, бакшишъ, бакшишъ.

Страшновато.

Положимъ, бакшишъ можно дать малый. Всего нѣсколько грошей. Можно не разстраиваясь разсыпать малые піастры и видѣть улыбчивыя лица. И потомъ, вѣрно Полякъ прошлаго столѣтія для краснаго словца такъ бредитъ этимъ бакшишемъ. Посмотримъ.

Я бросаю книгу Манна, всѣ книги. Не за бортъ, положимъ, но все же убираю ихъ. Довольно книгъ. Сейчасъ пріѣдемъ въ Александрію. Городъ-то вѣдь какой. Самъ Александръ Македонскій его построилъ. И помните какъ?

Завоевавъ Египеть, Александръ Великій направился къ Египетскимъ жрецамъ, и тѣ признали его за сына Солнца, за сына Міродержца Амона. Покинувъ Мемфисъ, онъ изслѣдовалъ Дельту и своимъ ястребинымъ окомъ быстро увидѣлъ, какія выгоды стратегическія и иныя являетъ полоса земли между Средиземнымъ моремъ и озеромъ Мареотисъ, которую Нилъ соединяетъ съ остальнымъ Египтомъ. Самъ означилъ планъ города. Когда закладывали его основанія, не хватило извести

для размѣтки,—тогда онъ докончилъ чертежъ мукой. Велѣлъ взять муку, назначенную на солдатское пропитаніе, и размѣтилъ улицы будущей столицы Египта. Налетѣли птицы, поклевали муку. Извѣстили царя. Тотъ позвалъ колдуна-вѣщателя. Значеніе сего было признано благопріятнымъ. Благословили птицы крылато-го Александра, залетѣвшаго до Индіи, не только до Египта. И возникла Александрія, одна изъ самыхъ причудливыхъ міровыхъ столицъ.

Созданная Эллинскимъ геніемъ, Александрія втеченіе шести столѣтій была сокровищницей человѣческихъ знаній, человѣческаго генія, всемірною столицей кипучей дѣятельности и устремленій философскихъ, религіозныхъ, научныхъ, художественныхъ, торговыхъ, промышленныхъ. Она была какъ гигантскій маякъ въ Океанѣ, на который въ ночи плывутъ корабли и летятъ стаи птицъ, первыя, чтобы не заблудиться въ Морѣ, вторыя, чтобъ разбиться объ исполинскія стекла, таящія свѣтъ животворный и смертоносный. Александрія была родиной Эвклида, Оригена и Филона, умовъ, которые постигли законы линій вещественнаго міра и опредѣлили тѣ внутреннія линіи, по которымъ неизбежно проходитъ человѣческій духъ, въ своихъ умствованіяхъ и въ своихъ благоговѣйныхъ созерцаньяхъ и

дѣйствахъ. Здѣсь религіозно мыслили и духовно окрѣпли Іеронимъ и Климентъ, Августинъ и другіе Отцы Церкви. Здѣсь творилъ Теокритъ идиллически, и высмѣялъ до конца свой смѣхъ Зоилъ, чье имя стало прозвищемъ на вѣка, но чей смѣхъ еще при жизни его утратилъ свое жало. Здѣсь была растерзана Христіанскими изувѣрами послѣдняя благоговѣйница Солнца, Гипатія, и изъ этихъ предѣловъ кинула въ море временъ свой чаровническій зовъ, любовное свое воркованье, горлица рошъ предательскихъ, она же Нильская змѣйка, змѣя змѣею ужаленная, Клеопатра, влюбившая въ себя не только Римскихъ Кесарей, но и такого владыку міра, какъ царящій стихомъ Шекспиръ.

Хорошо описываетъ Александрію 4-го вѣка Христіанской эры, — той поры, когда Гипатія подростала, какъ послѣдняя краса Язычества, — самый выдающійся изъ современныхъ Англійскихъ теософовъ, Мидъ, въ своей извѣстной книгѣ о Гностицизмѣ. Взойдемъ вмѣстѣ съ нимъ на взнесенный островной Маякъ, высокою въ 400 футовъ, и глянемъ на эту столицу міра съ прославленнаго Фароса.

Городъ лежитъ передъ нами на длинной полосѣ земли, или перешейкѣ, между Моремъ и озеромъ Марейотисъ. Озеро — къ югу; налѣво, къ западу, устье Нила, и великій каналъ ве-